

Мануэлла

Дары любви

УДК 82-3
ББК 84-4
М24

Мануэлла

М24 Дары любви / Мануэлла. – М.: Литнет, 2026. – 58 с.

ISBN 978-5-521-99397-0

Аласдер Мак-Кермик всей душой ненавидит отца Люсинды Бойл, ведь именно он сломал всю его жизнь. Он отобрал землю у его семьи, оставив их нищими и бездомными....

Всеми возможными и невозможными способами старался он разбогатеть, приблизив час мщения. И, наконец, ему это удалось... Но принесет ли это счастье?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99397-0

© Литнет, 2026

© Мануэлла, 2026

Люси

Однажды три брата – бедняка забрели в лес за дровами. Вышли они на поляну, где сидели у огромного костра три старичка. Братья попросили разрешения погреться у костра, но старцы ответили, что он сейчас погаснет – нет дров. Братья переглянулись, да и отдали старцам все дрова, что насобирали в лесу. Ярко запылал костер.

– Эта шляпка мне не идёт, мама – со смехом заявляю я матери, которая со снисходительной улыбкой смотрит, как я, дурачась, примеряю ее и строю себе рожицы в зеркале.

– Люси, милая, если ты сейчас же не выберешь шляпку, то, боюсь, старину Джека хватит удар – смеётся мать, кривая головой в сторону улицы, где, словно в подтверждение маминых слов, грустно слоняется у окна наш кучер, Джек.

Смеясь, мы выходим с покупками от модистки. Садимся в карету, где мама в очередной раз пеняет мне на то, сколько я времени провожу в магазинах, и вообще, как несерьёзно, по-детски, отношусь ко всему. Я отвечаю, деловито надув щеки и поправляя на носу воображаемые очки, что и ругает-то она меня сейчас несерьёзно, а, значит, ничья – и мы обе покатываемся со смеху.

Начинается дождь, и Джек, поругиваясь себе под нос, подстегивает лошадей, чтобы быстрее добраться до дома.

Карета подъезжает к дверям нашего особняка на Ривертон-авеню, я буквально вываливаюсь из нее, чуть не попав в большую лужу у крыльца, и бегу к отцу, под неодобрительное цокание матери, семенящей следом. Мы, беззлобно переругиваясь, добегает до его кабинета:

– Ох, Джон. С твоей дочерью я словно Рип Ван-Винкль – мы заходим в лавку на пять минут, а выходим, спустя годы – смеётся

мать, но тут же ее смех обрывается. Отец сидит, уставившись невидящим взором в стену. Весь его вид говорит о том, что онпил – растрёпанные волосы, мятая рубашка, красные опухшие глаза.

– Боже, Джон. Нас не было лишь неделю... – начинает мать, но взмах руки отца, немного пришедшего в себя, ее обрывает.

– Мы – банкроты, Элли! Банкроты! – отец хватается за стакан, стоящий перед ним, пытаясь налить в него из бутылки, что держит в руке. Бутылка пуста. Он со злостью смотрит на нее, словно она – причина всех его бед. И неожиданно запускает в стену. Бутылка разбивается на сотни мелких осколков, звенящей радугой летящих вниз...

Так в этот день разбилась и моя жизнь...

Аласдер

Вечерело. Братья, согревшись, стали благодарить старцев за гостеприимство. Те с улыбкой переглянулись и старший из них молвил: «Помогли вы нам. И за чистоту души ваших награда ждёт. Я-Богатство. Мой средний брат – Величие. А наш младший – Любовь. Пусть каждый из вас выберет, чьей награды бы он хотел».

Я ждал этого момента, можно сказать, всю жизнь. Сколько себя помню, я каждый день мечтал о том, как наступит день, когда я смогу отомстить человеку, сломавшему жизнь моей семье, забравшему у меня всё. Да, мои любимые, ваши смерти не останутся неотмщенными.

Я вспоминаю мать, рыдающую над могилой отца... Крошку Эмили, которая прижимается ко мне, ее кашель становится все надрывнее... мать, выходящую из таверны с очередным пьяным мужиком, лапающим ее. Мать делает вид, что не замечает меня. А мужчина громко смеётся, выкрикивая непостоянности...

Сегодня я отпустил всех слуг, я пью шампанское, наслаждаясь терпким вкусом победы. Я только что приехал из особняка Джона Бойла. О, это было прекрасно – видеть, как меняется его надменное,

гордое лицо. Как на нем проступают сперва непонимание, потом удивление, а затем то, чего я так долго ждал – ужас. Он разорен. Все его долги скупил я, человек, чью жизнь он разрушил. Чьих родных он погубил. И теперь он знает. Да, он понимает, что я взамен разрушу все, что ему дорого. Я требую погасить все векселя немедленно, внимательно следя за гаммой чувств, бушевающих этого подлеца. Он боится. О, да, теперь он в страхе – он понимает, что даже пустить пулю в лоб – не решение. Его жена и малютка дочь будут разорены в любом случае.

Я иду в комнату, под звуки дождя, барабанищего по крыше. Они кажутся мне музыкой, музыкой моего триумфа.

Раздается негромкий стук. Я, думая, что стучат ставни, ставлю бокал, обходя этаж – нет, они закрыты слугами, знающими о приближающейся непогоде.

Снова слышится стук, но уже более настойчивый. Я понимаю, что стучат в дверь. Оставив бокал на крышке пианино, я иду к двери, на всякий случай в прихожей висит мой пистолет, поэтому я спокойно открываю непрошенному вечернему гостю дверь, зная, что дотянуться до оружия мне хватит пары секунд.

Передо мной стоит хрупкая женская фигура, закутанная в темный плащ. Я жестом приглашаю незнакомку войти в дом. Она слегка медлит, словно набирается решимости. Затем кивает, входя в дом. Я иду следом, заинтригованный неожиданным визитом. Незнакомка проходит в гостиную, но не садится. Она стоит, напряженная словно струна, не поворачиваясь ко мне, не снимая капюшона.

– Чем обязан визиту прекрасной дамы? – беру я ситуацию в свои руки. А сам раздумываю, кто из моих приятелей мог послать мне такой подарок? Скорее всего, это – дама полусвета, раз она скрывает лицо, да и прибыла она явно в экипаже – ее плащ не так сильно вымок.

Пока я думаю, моя незнакомка набирается спелости, поворачивается ко мне и скидывает с головы капюшон, снимая накидку. Все мысли тотчас вылетают у меня из головы. Волосы цвета темного

каштана рассыпаны по плечам, платье цвета алой розы, сужаясь к лифу, подчеркивает ее пышную грудь. Ее кожа блестит, отливая золотом, в свете свечей. Незнакомка поднимает на меня глаза – и мое сердце пропускает удар. Ее глаза серые, словно дымчатый алмаз. Такие глаза принадлежат лишь одному человеку. Я это помню – они десятки лет являлись мне в каждом сне. Я понимаю, кто передо мной:

– Мисс Люсинда Бойл, не так ли? Чему обязан?

Девушка вздрагивает как от удара. Но тут же приходит в себя. Глядя на меня так, словно я – палач, а она – Анна Болейн, она с королевской грацией проходит к креслу, садится в него, оправляя платье, и лишь тогда начинает разговор:

– Я пришла сделать вам предложение...

Люси

Старший брат сразу же закричал:» Я выбираю Богатство!». Средний выбрал Величие, а младший тихо прошептал:» А я хотел бы Любви». Старцы наградили каждого из братьев. Старший брат стал известным купцом, он торговал товарами почти во все страны мира. Гордясь своим богатством, он перестал общаться с младшими братьями, стыдясь их»

«Я пришла сделать вам предложение»- ничего глупее этой фразы и придумать нельзя было. Но я взволнована, нервы мои на пределе. Да и я ожидала увидеть старого кровожадного монстра, каким отец обрисовывал своего давнего недруга. А передо мной – безумно красивый молодой мужчина. Он высок ростом, прекрасно сложен. Его темные волосы и ангельски красивое лицо делают его похожим на прекраснейшее порождение тьмы, падшего ангела. А его лицо... словно бы эталон мужской красоты. И он это знает – он с ленивой надменностью общается со мной, зная силу своей внешности, ее воздействие на окружающих.

– Да – я изо всех сил стараюсь взять себя в руки – я пришла, чтобы предложить вам оплатить долги отца.

Он скользит взглядом по моей фигуре, намеренно задерживаясь на груди, словно говоря, каким образом предпочел бы получить плату, и лениво произносит:

– Ну же, мисс Бойл, и чем же вы готовы заплатить?

Его взгляд прожигает меня насквозь.

– Я... у нас с матерью есть некоторые семейные драгоценности, я могла бы предложить их вам в качестве уплаты долга. Их общая стоимость...

– Сто тридцать тысяч фунтов – он смотрит мне в глаза, словно проверяю мою реакцию – именно столько ваш отец должен мне. И я склонен потребовать этот долг немедленно. О чем и уведомил его сегодня.

Я бледнею, мои ладони становятся мокрыми – сумма огромна, даже заложив все имущество, распродав предприятия, отец вряд ли наберёт и половину от нее.

Внезапно реальность наваливается на меня с ужасающей скоростью – я понимаю, какая трагедия происходит с нашей семьёй. И то, насколько нелепо я выгляжу почти ночью, в доме одинокого мужчины, со своим не менее нелепым предложением отдать в уплату долга мизер, не покрывающий и десятой его части. Мой мозг лихорадочно обдумывает и то, каким образом отец мог наделать столько долгов. Мой любящий, всегда весёлый отец. Неужели он – игрок?

Я резко встаю с кресла, схватив накидку, спешно бормочу слова извинения мужчине, и пытаюсь убежать прочь из этого дома. Но это не так-то легко сделать – он внезапно встаёт на моем пути. От его мощной фигуры исходит такая сила и, что меня бросает в дрожь – о чем я только думала, придя сюда? Мама всегда говорила, что моя беспечность меня погубит. Я пытаюсь обойти его, но тут же словно врезаюсь в гору – он ловит меня в свои объятия, рукой поднимая мой подбородок вверх. Я молчу, замороженная его взглядом слов-

но мышь, брошенная в клетку к удаву. Он долго смотрит на меня и наконец произносит:

– Теперь у меня к вам есть предложение, мисс Бойл. Я хочу, чтобы вы стали моей любовницей.

И тут же, видя ужас, отразившийся в моих глазах, добавляет – Как думаете, это стоит жизни ваших родителей? Вы ведь знаете, что за невыплаченные долги вашего отца ожидает тюрьма? А ваша маменька... Она слаба и здоровьем, и духом – первая же трудность убьет ее.

Я пытаюсь отыскать хоть каплю сочувствия или жалости в обращенном на меня взгляде, но там – сплошная ненависть. Человек годами скрупулёзно банкротил предприятия, в которые вкладывался отец. Скупал его долги. И это – лишь то, что я смогла днём разобрать в бессвязной речи отца.

Я собираюсь с силами, чтобы дать ему отпор. Не зря же я – Бойл. Мы не привыкли пасовать перед трудностями (и тут же вспоминаю отца сегодня – решимость убавляется):

– В течение какого периода и на каких условиях, мистер Мак-Кермик – говорю я и смело встречаюсь с его взглядом. Он слегка удивлён – это видно по его взгляду. Он не ожидал такого спокойствия, поведения. О, нет, его бы удовлетворили слезы и упрёки, мольбы. Но никак не бесстрастный расчет. Но, надо отдать должное, он быстро приходит в себя:

– Думаю, пары месяцев будет достаточно – он пристально смотрит на меня, словно проверяя меня на прочность. Но ответной реакции нет – я также молча смотрю в ответ на него, не отводя взгляда.

– Вы будете сопровождать меня везде. По любой моей прихоти будете раздвигать ваши нежные ножки. Уверен, я смогу затмить любого из ваших прежних любовников, поэтому эта часть нашего соглашения покажется вам приятной – он подходит ко мне, проводя рукой по моей щеке. Я стою, словно онемевшая. В голове в хаосе сплелись мысли о возможности спасти семью от разорения, о не-

вероятной красоте Аласдера, о гибели моей репутации после конца (ах, нет, сразу после начала – в высшем свете станут считать меня парией сразу же, как только пойдут сплетни о наших совместных выходах без должного сопровождения, о встречах, которые он явно не собирается держать в тайне)... Мои ноги подкашиваются, но я нахожу в себе силы ответить:

– Я согласна. Мои обязанности в этом соглашении мне более чем ясны. А что же ваши? – я отпускаю голову, не в силах больше выносить его издевательств.

– Я предлагаю полное прощение долгов. Я сожгу все расписки и кредитные обязательства вашего отца – он вновь пристально смотрит на меня...

Аласдер

Средний брат стал известным актером. Пьесы с его участием удастаивал своим присутствием сам король. По всему миру шла слава о его таланте, толпы поклонниц осаждали его дом, театр, где он служил или давал представления. Люди падали в обморок, если смогли прикоснуться к своему кумиру».

Я вновь пристально смотрю на нее, пытаюсь ожесточить сердце, ненавидеть ее. Но ее нежная красота, ее трогательные попытки выглядеть храброй и невозмутимой, находят отклик в моем очерстневшем сердце. Я чувствую себя последним мерзавцем, лишая эту девушку надежд на будущее, семьи, счастья.

Но тут же обрываю себя – а Эмили? Ее лишили не только будущего, ее лишили жизни. Эта девушка – заплатит не такую уж страшную цену в сравнении с той, что пришлось заплатить моим родным.

Ненависть подхлестывает меня, я резко беру ее за подбородок:

– Позже. Теперь, если не возражаете, я хочу попробовать то, за что собираюсь заплатить такую огромную сумму.